

жигая мя. Аз же отраду прииму помыслу моему, и почию от страсти, и ты убо, насладився моя доброта, и господин всему стяжанию моему будеши и наследник моя власть и старейшина боляром»), Моисей противопоставляет похвалу «душевной чистоте, паче же и телесной». Настойчивая «жена» выкупает Моисея; рассчитывая, что теперь он будет в ее власти, она начинает «бестудне» привлекать его уже не только словами: «в многоценныя ризы его облякъши и сладкими брашны того кормяще и нуждением любовным того объемлющи, на свою похоть нудящи» (стр. 143). Когда соблазны не действуют, «жена» приходит «в ярость» и пытается «гладом уморити его». Рабы уговаривают Моисея покориться, но он тверд. Тогда «жена» снова начинает соблазнять его властью и богатством, потом грозит «по многих муках смерти» предать. Моисей тайно принимает монашество. «Отчаявшись своя надежа», «жена» «раны тяжкы възлагает на Моисеа». «Многу печаль имущи, како бы себе мьстити от срама», не будучи в силах преодолеть стойкость Моисея, «жена» жалуется князю Болеславу, тот безуспешно пытается убедить Моисея уступить. Последняя сцена искушения описана с такой наглядностью, ради которой рассказчик даже нарушил цельность образа Моисея. Обуреваемая страстью, «жена» однажды «повеле его нужею положить на одре своем с собою, лобызаящи и обмыаящи, но не може ни сею прелестию на свое желание привлещи его». И вот теперь Моисей, прежде отвечавший «жене» нравоучительными речами «от писания», забыл, что он монах, отбросил свое «смирение» и, словно отстаивая свою мужскую честь, оскорбил соблазнительницу: «въсуе труд твой, не мни бо мя яко безумна или не могуща сего дела сътворити, но страха ради божиа тебе гнушаюся яко нечисты» (стр. 147—148). За эту дерзость Моисей подвергся страшной казни по приказу мстившей женщины: «не пощажю сего доброты, да не насытятся инии его красоты» (стр. 148). Этот последний эпизод решительно нарушает тот житийный стиль, в каком выдержан был до сих пор портрет стойкого девственника, и вместе с тем дорисовывает до конца злобную мстительность страстной женщины. Реплика Моисея делает особенно реалистичной эту сцену искушения, заставившую даже смиренного монаха потерять терпение. Такую реплику, как и самую сцену, никто не мог ни слышать, ни видеть, чтобы потом «с протокольной точностью» ее описать, — художественный вымысел увел здесь автора от идеализирующего стиля и создал эпизод, правдиво отражающий жестокую действительность.

Даже в экспрессивно-эмоциональном стиле Епифания Премудрого можно встретить эпизоды, изложенные в ином «ключе» — имеющие целью воздействовать на читателя выразительным описанием самого факта, подчеркивающим в поведении действующих лиц то, что в данный момент считает необходимым выделить сам писатель. Так, чтобы оттенить разницу между «истинной верой», делающей Стефана Пермского смелым и непоколебимым, и лжеучением, в силу которого волхв и сам не до конца верит, — Епифаний дает красочную картину испытания двух вер. Это испытание они решили провести следующим образом: либо взявшись за руки, войти обоим сразу в огонь — кто уцелеет при этом, того и вера истинна, либо броситься в прорубь и выплыть в другую, выше по течению. Описание того, как Стефан понуждал волхва приступить к испытанию, сделано Епифанием с красочными реалистическими подробностями, подчеркивающими уверенность и настойчивость Стефана и испуг потерявшего веру в помощь своих богов волхва. Когда волхв не согласился начать испытание, уstraшенный «шумом огненным», Стефан «ем, понужаа его, но и рукою яв за ризу волхва и крепко сжем ю, похващаае ѳ и нудма влечаше ѳ к огню очима. Чародеи же пакы вспять възпшашася». Так трижды напрасно пы-